

КЭТИ М. ДИ

В ОБЪЯТИЯХ НАВИ:
ОДИН ЧЁРТ ЗНАЕТ

Кэти Ди

В объятиях Нави: Один чёрт знает

«Автор»

2026

Ди К. М.

В объятиях Нави: Один чёрт знает / К. М. Ди — «Автор», 2026

Случайно провалиться в Навь сквозь фиолетовый туман — выполнено. Поверить первому встречному — выполнено. Вертопрах — чертовски красивый чёрт с изящными рожками, который обещает Любе вернуть её в Явь к бабушкиным пирогам. Вот только «Гроза Нави» при каждом шорохе испуганно прыгает девушке за спину, а его собственный хвост нагло игнорирует приказы хозяина и так и норовит обнять Любу за руку. Пока Люба вовсю смеётся над своим «храбрым» проводником и угощает его мятной жвачкой, Вертопрах ведёт её совсем не к выходу. Он заключил сделку с Кощеем: удерживать доверчивую девчонку в Нави ровно семь дней в обмен на свою свободу. Время идёт, контракт почти выполнен, но идеальный план катится к чертям. Потому что сам чёрт впервые в жизни отчаянно и глупо влюбился.

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кэти Ди

В объятиях Нави: Один чёрт знает

Пролог

Если вы когда-нибудь откроете старинный, пахнувший сыростью и мышиным помётом сборник людских сказок, то наткнётесь на вопиющий акт исторической клеветы. Человечество, в силу своей ограниченной фантазии и вечной тяги к самооправданию, веками рисовало чёрта невероятно уродливым. Мохнатое туловище, покрытое жёсткой козлиной шерстью, свиной пяточкой вместо носа, грязные копыта, от которых несёт болотной жижей, и абсолютно подневольный, глуповатый взгляд. В этих байках чертей бьют кузнецы, обхитряют глупые солдаты, а поповичи заставляют их носить мешки с зерном за бесценок.

Какая некомпетентная, абсурдная, завистливая чушь!

Люди придумали этот миф исключительно из зависти к чужому обаянию и безупречному чувству стиля. Истинный чёрт Нави посмотрел бы на эти иллюстрации, брезгливо поморщил бы идеально точёный нос, поправил бы воротник безупречно скроенного кафтана и сдал бы автора этой книжки стражам Кощея за незаконную вырубку леса под пергамент.

В настоящей, не отретушированной цензурой Яви иерархии Нави черти — это не черно-рабочие подземного мира. Черно-рабочие — это бесы. Вот они как раз мохнатые, кривоногие и пахнут несвежей капустой. Черти же — это элита мелкого хулиганства. Это дипломированные специалисты по созданию хаоса на ровном месте, гении ментальных интриг и прирождённые эстеты, чья главная задача — следить за тем, чтобы мироздание не задохнулось от скуки и бюрократии.

Зло? Нет, оставьте это слово для Кошеевой Цитадели. Там, в серых гранитных замках, сидят настоящие бюрократы зла. Они ведут учёт просроченных контрактов, пересчитывают золотые монеты в сундуках и пахнут замороженным подземельем. Чёрт — это никогда не про зло. Чёрт — это про азарт. Это про мелкое мошенничество, завернутое в ослепительную обёртку из искромётного флирта, царственной осанки и такой зубодробительной харизмы, перед которой не может устоять ни одна приличная русалка.

Если убрать чертей из экосистемы Нави, мир рухнет под тяжестью собственного занудства. Черти — это вечный двигатель местной жизни. Пока лешие уныло пересчитывают муравейники, а водяные впадают в депрессию из-за осеннего падения уровня топи, чёрт работает. Работает, разумеется, исключительно на свой карман и ради чистого удовольствия.

Что они вытворяют? Список их ежедневных подвигов занял бы три тома Кошеевой библиотеки. Типичное утро среднестатистического чёрта начинается с полировки рогов. Это священный ритуал. Рога должны блестеть так, чтобы в них, как в зеркало, могла смотреться любая проходящая мимо кикимора. Обычный чёрт тратит на уход за своими рогами больше времени, чем на выполнение прямых обязанностей по контракту с Кошеем.

После этого начинается полевая работа. Черти хитры настолько, что способны продать русалке сухой шампунь для объёма волос, убедив её, что мокрые пряди — это прошлый век и признак дурного тона. Они могут встретить в лесу заблудившегося лешего и продать ему карту его же собственной поляны, выдав её за «эксклюзивный навигационный артефакт Перуна». Они обожают дорогие вещи, шёлковые нити в вышивке косовороток, чищенные до зеркального блеска кожаные туфли и, конечно же, внимание. Если чёрт заходит в таверну и на него никто не оборачивается, он считает этот день официально испорченным и может в сердцах подсыпать в котел с болотной похлёбкой сушёных прыгучих лягушек.

Они мастера иллюзий. Чёрт может принять человеческую личину так безупречно, что вы примете его за заезжего князя или столичного щёголя. Он будет целовать дамам ручки, сыпать комплиментами, цитировать древние стихи и казаться самым благородным существом на земле. Но стоит ему зайти за угол, как иллюзия расслабляется, обнажая два аккуратных чёрных рожка среди идеальной укладки и длинный хвост.

Казалось бы, при таком наборе качеств чёрт должен быть идеальным хищником и властелином Нави. Но Великое Равновесие жестоко. На каждую каплю чертовской хитрости природа отсыпала три вагона уязвимостей, превращающих жизнь этих красавцев в бесконечную комедию положений.

Во-первых, черти патологически, феноменально трусливы в моменты реальной опасности. О, они могут громко кричать, размахивать руками и обещать «испепелить врага силой мысли». Вертопрах, например, мог часами рассказывать, как он в одиночку разогнал стаю голодных навских волков. Но если из кустов внезапно вывалится хотя бы один растрёпанный ёж, чёрт рефлекторно подпрыгнет на метр вверх, издаст не самый мужественный писк и спрячется за первого попавшегося спутника. При этом, едва оказавшись за чужой спиной, он мгновенно вернёт себе гордый вид и заявит, что это был тактический манёвр для оценки биополя противника.

Во-вторых, они совершенно не умеют справляться с человеческой логикой. Прямой, прагматичный человеческий ум действует на чертовские интриги как ушат холодной воды. Когда чёрт начинает плести кружева из намёков, древних проклятий и роковых тайн, а обычная девушка в ответ просто спрашивает: «А покороче можно? И где тут нормальный туалет?», вся чертовская система даёт сбой.

И, наконец, в-третьих. Самое страшное наказание, проклятие и личный ад любого уважающего себя чёрта — это его собственный хвост.

Хвост чёрта — это не просто часть тела. Это автономный, мыслящий и абсолютно неконтролируемый предатель. Вы можете составить гениальный план обмана. Вы можете смотреть своей жертве прямо в глаза, говорить самым честным, бархатным голосом в мире, убеждая её в своей бескорыстной преданности. Ваше лицо будет выражать суровую, непоколебимую уверенность. Но если в этот момент ваш хвост за спиной начинает радостно и бешено вилять из стороны в сторону, словно у преданного щенка, или, хуже того, скручивается в форму аккуратного сердечка — всё. План катится к чертям (в самом плохом смысле этого слова).

Хвост выдаёт всё: страх, ложь, смущение и, что самое ужасное для гордого обитателя Нави, — зарождающуюся симпатию. Чёрт может сколько угодно шипеть на свой хвост, бить его ладонью по кисточке и запихивать в штанину, симулируя судорогу. Хвост плевать хотел на авторитет хозяина. Если ему хочется обвиться вокруг чьей-то тёплой руки — он это сделает.

Один такой экземпляр как раз обитал в туманных пограничных лесах Нави. Звали его Вертопрах, хотя сам он предпочитал, чтобы его именовали «Грозой Семи Болот» или хотя бы «Первым кавалером Кощеева двора». Он был чертовски, неприлично красив. Его скулами можно было колоть орехи, его рога были идеальной изогнутой формы, а шёлковый кафтан сидел так, словно его шили лучшие мастера Ирия.

Вертопрах считал себя величайшим стратегом своего века. Он как раз провернул, по его мнению, самую выгодную сделку в жизни: подписал контракт с канцелярией Кощея. Условия были просты как дважды два: удержать в Нави случайно забредшую человеческую душу в течение семи дней. Взамен — полная свобода, аннулирование всех налогов на мелкое мошенничество и статус вольного жителя Нави.

Чёрт был абсолютно уверен, что держит ситуацию под контролем. Обмануть доверчивую смертную девчущку? Да проще, чем отобрать кость у дворового пса! Водить её кругами, строить из себя героя, потихоньку тянуть время и получить заветную вольную. Идеальный, надёжный, чертовски гениальный план.

Вертопрах стоял на ветке старого дуба, поправляя рог и лукаво улыбаясь сгущающемуся фиолетовому туману. Он ещё не знал, что туман вот-вот рассеется. Он не знал, что девчонка по имени Люба окажется не пугливой жертвой, а ловкой, жизнерадостной и совершенно не поддающейся чертовскому гипнозу особой в синем сарафане.

И уж тем более Вертопрах не подозревал, что его собственный, абсолютно непутёвый хвост уже выбрал себе новую хозяйку и приготовился разрушить всю его жизнь ради одной-единственной улыбки.

Один чёрт знал, чем закончится эта история. Да и тот, честно говоря, сильно сомневался в успехе.

Глава 1

Существует ли в мире звук более монотонный и успокаивающий, чем жужжание профессионального фэна или стрёкот фрезы для аппаратного маникюра? Люба искренне сомневалась в этом. В свои двадцать четыре года она успела вывести идеальную формулу выживания в мегаполисе: если жизнь подкидывает тебе лимоны, сделай из них лимонный фреш и не забудь покрыть ногти жёлтым глиттером.

Рабочий день Любы напоминал бесконечный конвейер женских надежд, сплетен и радикальных преобразований. Официально она числилась ведущим мастером-универсалом в салоне красоты с претенциозным названием «Афродита», который на самом деле располагался на первом этаже обычной жилой многоэтажки. Неофициально Люба была психологом без диплома, хранителем городских тайн и главным экспертом по спасению сожжённых блондинистых локонов.

— Любочка, милая, ну ты же сможешь сделать мне каре как у той актрисы, но чтобы объём остался, а лицо казалось худее? — жалобно канючила клиентка, сидящая в кресле.

Люба, виртуозно орудуя парикмахерскими ножницами, лучезарно улыбнулась в зеркало:

— Светлана Николаевна, мы сделаем вам такую стрижку, что ваш бывший муж при встрече подавится слюной, а налоговый инспектор забудет, зачем пришёл. Но объём мы вытаскиваем за счёт прикорневой филировки, а не магии, ладно? Магия у нас по четвергам, сегодня только среда.

Клиентка счастливо рассмеялась. За это Любу и обожали. В ней не было этой салонной высокомерности, когда мастер смотрит на твои секущиеся кончики так, словно ты совершила преступление против человечества. Люба была живой. Невысокая, шустрая, с вечно растрёпанными каштановыми волосами, которые она безуспешно пыталась умирить яркими лентами или заколками, она излучала такую тонну жизнерадостности, что к её креслу выстраивалась очередь на месяц вперед.

А когда парикмахерская смена заканчивалась, Люба пересаживалась за небольшой столик в углу, включала настольную лампу и превращалась в фею ногтевого сервиса. Нарастивание ногтей было её законной подработкой и личной отдушиной.

— Так, Танюша, — говорила она очередной подруге, раскладывая палитру гель-лаков. — Если мы выберем этот нюд, то твой начальник подумает, что ты приличная девочка. Но давай бахнем на безымянный палец дерзкую втирку. Пусть знает, что в глубине души ты готова сжечь его годовой отчёт.

Её юмор, лёгкий, порой немного ироничный, но всегда добрый, действовал на людей как терапия. Люба умела находить смешное в самых бытовых вещах. Она искренне считала, что умение вовремя посмеяться над собой — это единственный способ не сойти с ума, когда у тебя в руках сохнет акригель, а клиентка внезапно решает почесать нос.

Но за этим фасадом вечного двигателя, красок для волос и пилочек разной гритности скрывалась усталость. Город душил её. Бесконечный гул машин за окном, неоновый свет вывесок и лица людей, уткнувшихся в экраны телефонов в метро. Последние несколько месяцев Люба ловила себя на мысли, что ей до одури, до физической боли хочется тишины. Настоящей, природной тишины, в которой слышно только шуршание листвы и стрёкот кузнечиков.

Идея пришла к ней душным июльским вечером, когда Люба разбирала коробки на антресолях в своей съёмной однушке. Среди старых журналов мод и нерабочих плоек она наткнулась на пожелтевшую фотографию. С глянцевого, чуть треснувшего снимка на неё смотрела маленькая девочка с огромными бантами — семилетняя Люба, а рядом стояла крепкая, улыбающаяся женщина в цветастом платке. Бабушка Марфа.

Сзади размашистым, чуть корявым почерком было написано: *«Любушке на долгую память. Деревня Вербное, 2009 год»*.

В груди Любы что-то сладко и болезненно сжалось. Бабушки Марфы не стало три года назад. С тех пор старый бревенчатый дом в глухой, почти заброшенной деревеньке на самом краю области стоял заколоченным. Родственники всё собирались его продать, да руки не доходили — слишком далеко, дорог толком нет, места глухие, лесистые.

Люба закрыла глаза, и воспоминания хлынули лавиной. Она вспомнила запах парного молока, вкус земляники, которую они собирали в глубоком овраге за околицей, и прохладу бревенчатых стен в разгар полуденного зноя. Вспомнила, как бабушка Марфа расчёсывала ей волосы старинным деревянным гребнем и тихонько напевала странные, тягучие песни про дремучие леса, блудные камни и существ, что живут в тумане. Маленькая Люба тогда думала, что это просто сказки.

— Всё, — твёрдо сказала Люба пустому коридору. — Ухожу в отпуск. К черту втирки, к черту каре. Уезжаю.

Коллеги по салону крутили пальцем у виска.

— Люба, ты с ума сошла? — недоумевала администратор Ирочка, поправляя нарощенные ресницы. — Сейчас сезон! Все едут в Турцию, в Сочи, на худой конец — на дачу к шашлыкам! Зачем тебе эта глухомань? Там же даже интернета нет!

— Вот именно поэтому я туда и еду, Ирочка, — весело отзывалась Люба, пакуя рюкзак. — Мой мозг требует цифрового детокса. Я хочу побыть одна, походить босиком по росе и поностальгировать. И если меня там съедят комары — по крайней мере, они сделают это в тишине.

Путешествие в Вербное оказалось тем ещё приключением. Сначала три часа на громыхающей электричке, где Любе пришлось выслушать подробную биографию соседа по сиденью и его рецепт борьбы с фитофторой на помидорах. Затем — пересадка на старый, выдавший виды автобус ПАЗ, который, казалось, держался на честном слове, святом духе и синей изоленте.

Автобус подбрасывало на ухабах так, что Люба пару раз едва не пробила головой низкий потолок.

— Товарищ водитель! — весело крикнула она, цепляясь за поручень. — Скажите, а мы точно едем в Вербное, а не участвуем в ралли Дакар? У меня ощущение, что мои внутренности сейчас поменяются местами!

Угрюмый, уса́тый водитель лишь хмуро глянул на неё в зеркало заднего вида и буркнул:

— Скажи спасибо, что вообще едем, девка. Дальше тракторная колея. Туда нормальные люди вообще не суются.

Когда ПАЗик наконец затормозил у покосившегося деревянного указателя, на котором едва читались буквы «В...рбн...е», солнце уже клонилось к закату. Люба вышла на пыльную обочину, закинула на плечи тяжелый туристический рюкзак и вдохнула полной грудью.

Воздух здесь был совершенно другим: густым, сладким, пахнущим хвоей, нагретой за день корой и дикими травами. Городской смог мгновенно выветрился из головы, оставив легкое, приятное головокружение. Вокруг, сколько хватало глаз, стеной стоял древний, величественный лес. Сосны-великаны уходили вершинами в розовеющее небо, а между их стволами уже начали расплзаться первые клочья вечернего тумана.

Дорога до самой деревни занимала ещё около двух километров пешком. Люба шла по заросшей травой колее, и её сердце пело. Каждый куст, каждый поворот казались смутно знакомыми. Вот здесь, у раскидистой старой ивы, они с местными ребятами когда-то прятались от грозы. А вон там, за холмом, должен показаться серебряный изгиб маленькой речушки.

Деревня Вербное встретила её тишиной. От некогда живого поселения осталось всего с десяток домов, большинство из которых глядели на мир заколоченными окнами. Постоянных жителей тут, судя по всему, почти не осталось — разве что пара стариков, да и тех не было

видно. Но Любу это не пугало. Наоборот, ощущение абсолютного уединения вызывало у неё восторг. Настоящая, осязаемая ностальгия.

Бабушкин дом стоял на самом краю деревни, вплотную прижимаясь забором к стене глухого леса. Он немного покосился, обветшал, но всё ещё выглядел крепким и родным. Люба с трудом провернула старый ржавый ключ в замке. Дверь поддалась с протяжным, театральным скрипом.

— Ну, привет, терем-теремок, — негромко произнесла она, проходя внутрь.

Внутри пахло сухими травами, пылью и старым деревом. Люба открыла ставни, впуская в комнаты лучи заходящего солнца. Всё здесь осталось нетронутым: кружевные салфетки на круглом столе, старая панцирная кровать с горой перьевых подушек, тяжелый дубовый комод. В углу сиротливо примостился деревянный гребень, которым бабушка когда-то чесала ей косы.

Люба закатала рукава и принялась за работу. Навела порядок, смахнула паутину, растопила небольшую печь-голландку, чтобы выгнать из углов застоявшуюся сырость. Веселый треск дров и тепло, поползшее по комнате, окончательно вернули дому жилой вид.

Когда совсем стемнело, Люба устроилась на крыльце с кружкой горячего чая из заваренных листьев смородины, которые она сорвала в одичавшем саду. Перед ней расстился лес. В темноте он казался бескрайним океаном. Звёзды над Вербным были огромными, яркими — в городе таких никогда не увидишь.

Люба сделала глоток чая и улыбнулась. Она чувствовала себя абсолютно счастливой. Никаких звонков от капризных клиенток, никаких сломанных ногтей, никакого шума. Только она и природа.

«Завтра же пойду в лесной овраг, поищу ту самую земляничную поляну», — сонно подумала она, возвращаясь в дом.

Засыпая на мягких бабушкиных подушках под мерный стук ходиков на стене, Люба вспомнила одну из сказок Марфы. Бабушка говорила, что за Вербным лесом граница между мирами становится тонкой, как паутинка. И если пойти в лес в глубоких сумерках, когда опускается фиолетовый туман, можно случайно наступить на «блудный камень» и шагнуть прямоком в Навь — туда, откуда живым дороги нет, если только один черт не согласится помочь.

Люба сквозь сон лишь хмыкнула. Сказки всё это. Красивые, старые сказки для маленьких девочек. Она ведь взрослая, рассудительная девушка, у неё диплом парикмахера и база постоянных клиентов.

Глава 2

Утро встретило Любу оглушительным петушиным криком откуда-то с другого конца деревни. Петух орал с таким надрывом, словно лично сдавал экзамен на оперного певца и жутко лажал на высоких нотах. Люба сладко потянулась, скатилась с перины и поняла: жизнь прекрасна. Никаких будильников. Никаких «Любочка, перепиши меня на вечер». Впереди был целый день абсолютного, рафинированного безделья.

Вооружившись старым эмалированным бидоном в весёлый белый горошек (настоящий раритет, найденный в недрах кухонного шкафчика), Люба отправилась на штурм леса. На ней был наряд, который она так любила за удобство и колорит: легкая белая рубаша с пышными рукавами, украшенными аккуратной красной вышивкой, и длинный, до самых лодыжек, глубокого синего цвета сарафан. Свои каштановые волосы она перевязала алой лентой, оставив несколько непослушных прядей, обрамляя лицо. По меркам столичного салона красоты вид у неё был максимально неформальный, зато для прогулки по заповедным местам — в самый раз.

Лес встретил её гостеприимством. Солнце палило сквозь кроны деревьев, птицы перекрикивались так яростно, словно обсуждали последние сплетни леса, а под ногами мягко пружинил мох.

— Так, земляника, выходи по-хорошему, я пришла с миром и бидоном! — скомандовала Люба, заходя в глубь чащи.

Земляника выходить не торопилась, но Люба была девушкой упорной. Работа в салоне научила её железному терпению: если ты можешь три часа подряд вырисовывать тонкой кисточкой вензеля на ногтях капризной невесты, то найти ягоды в траве — это вообще детский лепет. Вскоре Люба обнаружила роскошную поляну. Она присела на корточки, то и дело поправляя подол сарафана, и принялась за сбор.

Процесс шёл по стандартной схеме: одну ягоду в бидон, три — в рот.

«М-м-м, божественно, — блаженно думала Люба, слизывая сладкий сок с пальцев. — Никакая магазинная клубника, накачанная нитратами до состояния китайского пластика, рядом не стояла. Вот оно, счастье. Сижу в лесу, пахну хвоей, ногти без покрытия, в волосах травинка... Полная деградация до счастливого первобытного человека».

Она переходила от кустика к кустику, увлечённо мурлыча под нос какую-то попсовую мелодию из радиоэфира. Бидон медленно, но верно наполнялся, приятно тяжелея в руке. Люба настолько погрузилась в процесс «земляничного шпионажа», что совершенно перестала смотреть по сторонам.

— О, какая крупная! — Люба сделала шаг вбок, вытягивая шею в сторону особенно заманчивого куста у раскидистого старого вывернутого корня. — Иди к мамочке...

Закончить мысль она не успела. Затоптанная в траву сухая коряга, коварная и изогнутая, словно специально поджидала именно её ногу. Люба зацепилась носком кед, за деревянный капкан.

— Ой-ёй! — только и успела пискнуть она.

Люба потеряла равновесие, взмахнула руками, как растрепанная птица, и с криком: «Уберегите бидон!» полетела вперёд. Бидон, надо отдать ему должное, она из рук не выпустила, прижав к груди как самое дорогое сокровище. Но вот приземление вышло крайне странным.

Люба ожидала, что сейчас смачно впечатается лицом в мягкий мох или, в худшем случае, в кучу прошлогодней листвы. Но под её коленом оказалось что-то твёрдое и гладкое. В последнее мгновение перед падением она краем глаза заметила среди травы странный плоский валун. Он был необычного, глубокого фиолетового цвета с легким, едва заметным перламутровым отливом. Люба рухнула прямо на него.

В ту же секунду мир вокруг неё совершил странный кульбит. Ощущение было такое, будто лифт, в котором она ехала, внезапно оборвался и полетел вниз, но всего на долю секунды. В ушах коротко и звонко хлопнуло, как при взлёте самолёта. Пространство вокруг на мгновение подёрнулось фиолетовой дымкой, словно кто-то плеснул в воздух чернил, а затем всё встало на свои места.

Люба лежала на животе, уткнувшись носом в сухую траву. Бидон в горошек сиротливо лежал рядом, к счастью, рассыпав всего горсть ягод.

— Ну зашибись, сходила за витаминчиками, — проворчала Люба, потирая ушибленное колено. — Гравитация, ты сегодня ко мне несправедлива.

Она перевернулась на бок, села и принялась отряхивать свой сарафан от прилипших веточек.

— Так, кости целы, сарафан не порван, маникюр на месте — провела она быструю инспекцию самой себя. — А бидон... Ну, бидон понёс незначительные потери в живой силе.

Люба поднялась на ноги, подобрала бидон и огляделась. Первое, что её удивило — фиолетового камня, о который она споткнулась, на земле больше не было. На его месте росла самая обычная трава.

— Странно. Мне же четко показалось, что тут лежал валун цвета спелой баклажанины, — пробормотала она, почесав затылок. — Ладно, спишем на оптический обман и легкое сотрясение от созерцания земляники.

Она сделала глубокий вдох и замерла. Что-то изменилось. Вокруг неё был всё тот же лес, те же вековые дубы и раскидистые сосны, но дьявол, как известна парикмахерам со стажем, крылся в деталях.

Во-первых, запах. Пахнуть хвоей и смолой практически перестало. Вместо этого в воздухе разлился странный, густой аромат. Так пахнет в старых, заброшенных церквях или очень дорогих антикварных лавках — смесь сушёной полыни, ладана, речного тумана и... едва уловимый оттенок дорогого мужского парфюма с нотками мускуса.

«Ого, — подумала Люба, потянув носом. «Это что за лесной освежитель воздуха? Неужели в этих глухих местах какой-то лесничий пользуется Шанелью? Или это ядовитые грибы так пахнут?»

Во-вторых, свет. Буквально секунду назад солнце пекло так, что Люба подумывала снять рубаху. Теперь же вокруг сгустились мягкие, бархатные сумерки. Стало заметно прохладнее, словно солнце внезапно ушло за огромную, плотную тучу. Люба подняла голову к небу, но сквозь кроны деревьев туч видно не было — небосвод просто приобрёл какой-то странный, глубокий индиговый оттенок, а в вышине начали проступать первые бледные звёзды, хотя по часам должен был быть полдень.

— Ничего себе, тучка зашла, — поежилась Люба, потирая открытые плечи. — Прямо по щелчку пальцев полярная ночь наступила.

Но самым жутким была тишина. Оглушительная, абсолютная, вакуумная тишина. Птицы, которые только что орали как сумасшедшие, разом замолкли. Перестал шуметь ветер в вершинах сосен. Даже кузнечики в траве прекратили свою бесконечную дискотеку. Лес словно замер, превратившись в огромную, величественную декорацию к фильму ужасов. Вдали, между массивными стволами деревьев, начал медленно, лениво расползаться легкий фиолетовый туман.

— Так, Любаша, кажется, пора сваливать, пока природа не устроила нам тут аномальный катаклизм, — вслух сказала она, чтобы хоть как-то разбавить эту звенящую тишину. Собственный голос показался ей странно приглушенным, словно она говорила под одеялом.

Она повернулась на 180 градусов, намереваясь пойти обратно по своим же следам к деревне. Но, сделав три шага, Люба поняла, что её примятая трава и следы от кед просто

исчезли. Лес выглядел девственно нетронутым, словно человеческая нога не ступала здесь примерно никогда.

«Ладно, без паники, — включила Люба свой фирменный юмор, хотя внутри уже начал ворочаться холодный червячок тревоги. — Мы просто немного заблудились. В крайнем случае, устройю мастер-класс по окрашиванию волос для местных белок. Главное — идти прямо. Прямо — это всегда к выходу. Наверное».

Она покрепче перехватила бидон с земляникой, расправила плечи и решительно зашагала вперед, вглубь притихшего, пахнущего полыньёю леса.

Глава 3

Люба шла вперед уже около получаса. Ну, или трех часов. В этом месте со сломанными часовыми поясами и небом цвета спелой сливы ориентироваться во времени было так же легко, как красить ресницы во время землетрясения. Лес вокруг не менялся. Он словно нагло копировал сам себя, подсовывая под ноги одни и те же коряги и ухмыляющиеся мшистые пни.

— Отлично, Любаша, просто супер, — вслух рассуждала она, покрепче перехватывая эмалированный бидон. Голос в этой звенящей пустоте звучал глухо, как в пустом шкафу. — Цифровой детокс, говоришь? Походить по росе? Ну вот, ходи. Росы, правда, нет, зато фиолетового тумана — хоть ложкой ешь. И комаров нет. Что, кстати, подозрительно. Местные комары испугались аномалии или просто брезгуют туристами без местной прописки?

Она остановилась около огромного дуба, который выглядел точь-в-точь как тот, мимо которого она проходила десять минут назад. Или пятнадцать.

— Так, логика парикмахера-стилиста, включись, — Люба постучала пальцем по лбу. — Если ты запуталась в трех соснах, нужно идти на звук воды. Воды нет. Тогда на свет. Света тоже нет, кругом сплошной индиговый солярий. Ладно. Если я найду мох, то север там... где мох. Но здесь мох растет вообще везде! Он облепил деревья со всех сторон, как пушистый зеленый свитер. Этот лес явно не читал школьный учебник по географии.

Люба вздохнула, присела на поваленный ствол и заглянула в бидон. Земляника зловеще поблескивала в сумерках.

— Может, я реально съела какую-то не ту ягоду? — пробормотала она, нервно хихикнув. — Знаешь, Люба, бывает такая земляника с сюрпризом. Галлюциногенная. Сейчас меня отпустит, я открою глаза, а сама лежу лицом в крапиве, а надо мной стоит уса́тый водитель ПАЗика и крутит пальцем у виска. Да, точно. Это просто трип. Экологически чистый, подмосковный кошмар.

Она зажмурилась, сосчитала до трех и резко открыла глаза. Фиолетовый туман никуда не делся. Более того, он стал гуще и теперь лениво лизал носки её кед.

— Ладно, план Б, — Люба решительно поднялась, поправляя подол синего сарафана. — Ау! Есть тут кто-нибудь? Лесники! Браконьеры! МЧС! Баба Яга! Кто-нибудь, у кого есть навигатор или хотя бы трезвый взгляд на жизнь!

— Зачем же так кричать, почтенная дева? Вы портите акустику этого прекрасного вечера, — раздался сверху бархатный, неприлично мелодичный голос.

Люба вздрогнула и задрала голову. На толстой ветке старого дуба, элегантно закинув ногу на ногу, сидел парень. И выглядел он так, словно только что сбежал с обложки глянцевого журнала, посвященного высокой моде средневековой интеллигенции.

На нем была простая, но безупречно скроенная косоворотка глубокого угольно-черного цвета с аккуратным вырезом на груди, подпоясанная тонким темным шнуром. Черные брюки были заправлены в высокие кожаные сапоги, которые, вопреки лесной сырости, блестели первозданной чистотой. У него была смуглая кожа, волевой подбородок и дерзкая, невероятно харизматичная ухмылка. Темные волнистые волосы длиной до плеч обрамляли лицо, а из них величественно поднимались два массивных, рельефных черных рога, изогнутых назад. Позади него, лениво покачиваясь, свисал длинный тонкий хвост с пушистой кисточкой на конце.

От парня пахло точно так же, как в лесу — дорогим мускусным парфюмом, полынью и легким ароматом тайны.

Люба моргнула. Потом зажмурилась. Потом снова посмотрела вверх. Рогатый франт никуда не исчез, более того — он лукаво улыбался, демонстрируя идеальные белые зубы.

— Так, ладно, — медленно произнесла Люба, пятясь на шаг назад. — Точно грибы. Или земляника была с тяжелыми металлами. Парень с рогами на дереве. В шелковом халате. Пре-

красно. Люба, ты официально сошла с ума. Завтра же выписываюсь из салона и ложусь в санаторий.

— Какое невежество, — картинно вздохнул рогатый, приложив ладонь к груди. — Назвать шедевр ирийских ткачей халатом! И вообще, смертная, ты проявляешь поразительную черствость. Перед тобой стоит... точнее, сидит Первый кавалер Кощеева двора, Гроза Семи Болот и величайший эстет этих земель. А ты лепечешь что-то про грибы. Меня зовут Вертопрах. Запомни это имя, возможно, оно станет главным спасением твоей скучной жизни.

В этот момент Люба заметила, что пока парень толкал свою пафосную речь, его хвост за спиной начал совершать странные, хаотичные движения, словно жил отдельной жизнью. Кисточка хвоста радостно вильнула, зацепила сухой сучок и с треском обломала его. Вертопрах на секунду сбился с величественного тона, зыркнул назад и шикнул на собственный хвост: «Тсс! Уймись, непутёвый!». Хвост обиженно замер.

Люба присмотрелась внимательнее. Парфюм был реальным, треск сучка — тоже. Она сделала три решительных шага вперед, встала прямо под веткой и прищурилась. Бабушкины сказки про блудный камень, фиолетовый туман и существ Нави лавиной пронесли в голове.

— Подожди... — прошептала она, чувствуя, как мурашки бегут по коже. — Рога настоящие? Это не косплей? Не фестиваль славянской мифологии?

— Сравнить меня с человеческими скоморохами? — Вертопрах возмущенно вскинул брови и грациозно спрыгнул с ветки. Он приземлился абсолютно бесшумно, прямо перед Любой. Начищенные кожаные сапоги даже не испачкались в мху. — Оскорбление за оскорблением! Смертные совершенно разучились ценить изящество.

Люба, недолго думая, протянула руку и бесцеремонно схватила его за правый рог. Он оказался гладким, прохладным и твердым, как бильярдный шар.

— Эй! Руки! — панически взвизгнул Вертопрах, мгновенно растеряв весь свой величественный лоск. Он отпрыгнул назад, потирая рог, а его хвост судорожно скрутился в тугой узел от страха и культурного шока. — Ты что творишь, безумная смертная?! Личное пространство! Слышала о таком? Черти не позволяют трогать свои рога кому попало! Это нарушает баланс харизмы!

Внутри Вертопраха в этот момент все пело от восторга. План работал идеально! Девчонка из Яви попалась прямо в его руки. Осталось всего лишь водить ее за нос семь дней, изображать благородного проводника, не пускать к portalу — и заветная вольная от Кощея у него в кармане! Он был невероятно рад, что нашел ее, но показывать свою выгоду, разумеется, не собирался.

Люба же, осознав, что рога живые, а перед ней стоит самый настоящий черт из бабушкиных песен, вместо того чтобы упасть в обморок или закричать от ужаса, вдруг... громко и заливисто расхохоталась.

— Мама дорогая! — хохотала она, держась за кухонный бидон. — Бабуля Марфа, ты была права! Они реально существуют! И они реально следят за укладкой! Слушай, Гроза Болот, а кафтанчик-то у тебя реально зачетный. Где урвал? В Навском ЦУМе?

Вертопрах опешил. В его гениальном стратегическом плане не было пункта «жертва ржет над твоим величием».

— Какая невыносимая простота ума, — буркнул он, поправляя воротник и пытаясь вернуть царственную осанку. — Смертная, тебе бы следовало трепетать. Ты находишься в Нави. В мире, откуда живым дороги нет. Кругом опасности, дикие чудища, болотные твари и канцелярия Кощея, которая спит и видит, как бы забрать твою душу за долги по энергетическому балансу. Ты пропала. Без меня ты тут и пяти минут не протянешь.

— Да ладно тебе жути нагонять, Рогатый, — отмахнулась Люба, вытирая слезы от смеха. — Нави, шмави... У меня отпуск всего две недели. Мне некогда по загробным мирам шляться. Мне бабушка четко пела: если пойти прямо, то любая тропа куда-то да выведет. Так что спасибо

за лекцию по географии, а я пошла. Деревня Вербное там, — она махнула рукой в случайном направлении.

— Стой! Куда ты? Там же... — Вертопрах хотел сказать «там тупик», но Люба уже решительно развернулась и зашагала прочь, шурша сарафаном по траве.

— Чао, бамбино! Привет Кощею! — крикнула она через плечо.

Вертопрах остался стоять посреди тумана, с открытым ртом. Его гениальный план по удержанию девчухи начал трещать по швам с первой же минуты.

— Ну уж нет, — прошипел он, бросаясь следом за ней. — От меня еще ни одна смертная логика не сбегала! Хвост, за мной! И не вилай так радостно, мы на работе!

Люба шла быстро, намеренно петляя между деревьями. Она была прагматиком до мозга костей. Ну да, магия существует. Ну да, черт настоящий. Но сидеть и плакать — не в её правилах. Главное — оторваться от этого надушенного преследователя с рогами и найти дорогу к печке-голландке и смородиновому чаю. Однако, сколько бы она ни прибавляла шагу, дорогой мускусный парфюм упрямо следовал за ней по пятам, а фиолетовый туман становился все гуще, словно заманивая её вглубь неизведанного мира.

Люба мчалась сквозь туман со скоростью курьера, у которого до конца смены осталось три минуты, а премия горит синим пламенем. Юбка синего сарафана путалась в ногах, кеды скользили по влажному мху, но она упорно шла напролом. В её голове всё ещё крутилась спасительная мысль: *«Главное — не останавливаться. В любом лесу есть опушка, за любой опушкой — трасса, за трассой — цивилизация и кофемашина»*.

Правда, реальность Нави плевать хотела на Любины бизнес-планы по эвакуации.

Через пять минут скоростного забега деревья внезапно расступились, и Люба резко затормозила. Носок её правого кеда завис над абсолютным, монументальным ничем. Перед ней раскинулось бескрайнее, хлюпающее болото, покрытое зловещей ряской цвета тухлой брокколи. Из жижи лениво поднимались огромные мыльные пузыри, которые с глухим звуком лопались, выпуская фиолетовый пахучий дым. Навская топь выглядела так, словно здесь праздновали хэллоуинские жабы-переростки.

— Приплыли, — выдохнула Люба, пятясь назад и прижимая бидон с земляникой к груди. — Так, направо — болото. Налево — болото. Прямо — спа-салон для водяных. Разворот?

Она оглянулась, лихорадочно ища взглядом хоть какую-то сухую кочку или поваленное дерево. Но тропа, по которой она шла, словно растворилась в тумане.

В этот момент из кустов шиповника, отчаянно матерясь на каком-то древнем, шипящем наречии, вывалился Вертопрах.

Великолепный Первый кавалер Кошеева двора сейчас разительно отличался от того красавчика, что сидел на дубе. Угольно-черная косоворотка съехала на одно плечо, открывая ключицу, темные кудри растрепались и живописно облепили смуглый лоб, а на левом роге гордо покачивался застрявший сухой дубовый лист. Хвост черта уныло волочился по земле, напоминая сдувшийся шланг от пылесоса.

Вертопрах уперся руками в колени, согнувшись пополам, и задышал так тяжело, словно только что пробежал марафон вокруг всей Цитадели Кощея наперегонки с избушкой Яги.

— К... к такому... меня Навь не готовила, — прохрипел чёрт, пытаясь смахнуть лист с рога, но лишь сильнее его там запутывая. — Бегать... за явскими девами... Да вы там в своей Яви чем питаетесь вообще? Энергетиками из когтей дракона? У меня легкие сейчас выскочат и уползут в туман!

— О, преследователь с Шанелью настиг жертву, — Люба скрестила руки на груди, с интересом наблюдая за его страданиями. — Слушай, Гроза Болот, а чего ты так запыхался?

Ты же элита мелкого хулиганства, гений интриг. Чего ж у тебя дышалка как у столетнего деда после подъема на пятый этаж?

— Я — стратег! — возмущенно пискнул Вертопрах, выпрямляясь и тщетно пытаюсь вернуть лицу высокомерное выражение. Его хвост в этот момент робко вылез из-под ног и начал мелко, виновато вилять, словно извиняясь за физическую слабость хозяина. — Стратеги не должны бегать! Они должны красиво стоять и изрекать пророчества! Я вообще-то бежал по пересеченной местности в дизайнерских кожаных сапогах! Ты видела эту подошву? Она абсолютно гладкая! Навский этикет не предусматривает кроссовки!

— Ну, сорян, в моем салоне красоты дресс-код попроще, — хмыкнула Люба, заглядывая за его спину. — Так, ладно, Рогатый. Раз уж ты тут местный сусанин, колись: где тут объездной путь? Только без твоих этих сказок про долги по энергобалансу. Мне нужно в Вербное. У меня там печка топится и чай остывает.

Вертопрах наконец перевел дух, скользнул взглядом по бескрайнему болоту, а затем посмотрел на Любу. Его дерзкая, харизматичная ухмылка мгновенно вернулась на лицо. Он вальяжно поправил шнур на черной косоворотке и сделал шаг вперед.

— В Вербное? — протянул он бархатным голосом, поигрывая спелым яблоком, которое он каким-то чудом умудрился не потерять во время погони. — Ну иди, иди. Прямо через топь. Там как раз живет дедушка Водяной. Он очень любит гостей из Яви. Особенно молодых, симпатичных и... незамужних. Будешь ему русалок к свадьбе причисывать. Лет эдак триста, пока контракт не истечет.

Люба посмотрела на лопающиеся пузыри болота, потом на Вертопраха, который так и лучился самодовольством, явно празднуя победу. Его непутевый хвост за спиной тем временем радостно свернулся в колечко, выдавая абсолютное счастье черта от того, что девчонка никуда не денется.

— Триста лет без интернета и с водяным? — Люба задумчиво потерла подбородок. — Заманчиво, конечно. Но у меня запись на окрашивание в один сложный блонд на следующую среду. Так что не вариант.

Она решительно подошла к Вертопраху почти вплотную, отчего тот рефлекторно сделал полшага назад, подозрительно косясь на её кухонный бидон.

— Ладно, Гроза Болот, твоя взяла, — Люба похлопала его по плечу, отчего чёрт снова возмущенно вскинул брови. — Заключаем временное перемирие. Ты выводíš меня из этого фиолетового заповедника, а я, так и быть, не буду больше трогать твои драгоценные рога. И даже, может быть, не скажу никому, что ты бегаешь медленнее, чем моя бабушка за автобусом. Идет?

Вертопрах сглотнул, чувствуя, как его безупречный план по удержанию смертной плавно превращается в какое-то совершенно неконтролируемое приключение. Но деваться было некуда — девчонка была в его власти, пусть и вела себя так, будто это она тут главная.

— По рукам, смертная, — высокомерно процедил он, хотя его хвост за спиной уже вовсю выписывал в воздухе восьмерки от восторга. — Но учти: Нави не прощает спешки. Нам предстоит долгий и очень... извилистый путь.

Глава 4

Ночной лес Нави напоминал Любе затянувшийся сеанс сложного окрашивания. Вокруг все было индигово-черным, туманным и пахло полынью, а Вертопрах в своей черной косоворотке скользил между деревьями, словно ожившая тень с обложки любовного романа. Начищенные сапоги черта подозрительно игнорировали грязь, чего нельзя было сказать о Любиных кедах.

— Слышь, Гроза Болот, — подала голос Люба, перешагивая через подозрительный корень, который в темноте дернулся, похожий на змею. — Мы точно идем к выходу, а не кружим вокруг твоей любимой лужи с Водяным? У меня ощущение, что этот пенёк слева подмигивает мне уже третий раз.

Вертопрах вальяжно остановился, крутанул в пальцах спелое яблоко и обернулся. Его взгляд упал на Любу, и на смуглом лице снова расплылась та самая дерзкая, харизматичная ухмылка. Он картинно приложил ладонь к рогу, демонстративно потеряв его, а затем посмотрел на Любу сверху вниз.

— Мы идем строго по пространственной метрике, смертная, — бархатным голосом отозвался он. — Хотя, признаться, с твоим... эпатажным ростом оценивать горизонт довольно трудно. Я до сих пор в глубоком недоумении. Как ты вообще умудрилась дотянуться до моих благородных рогов. Ты подпрыгнула? Или у вас в Яви все женщины обладают скрытыми пружинами в обуви?

Люба хмуро зыркнула на него из-под растрепанной челки. Ростом она действительно не вышла — едва доставала черту до плеча. Но парикмахерская закалка не позволяла сдавать позиции.

— Меньше надо было наклоняться и рассматривать меня как экспонат в кунсткамере, кавалер недоделанный, — отрезала она, крепче перехватывая бидон. — Наклонился — получил инспекцию рогов. Все честно. Будешь шутить про рост — в следующий раз останешься без укладки. Я тебе такую прикорневую филировку устрою, Кощей родной не узнает.

Вертопрах рефлекторно отпрянул, а его хвост за спиной испуганно завязался в аккуратный узел, хотя сам черт попытался сделать вид, что просто поправляет шнурок на рубаше.

«Какая невыносимая женщина, — панически думал Вертопрах, ведя её дальше по едва заметной тропе, уводящей прочь от хлюпающих звуков топи. — Никакого трепета. Никакого уважения к элите мелкого хулиганства. Она угрожает моей причёске! И почему мой непутевый хвост так бешено виляет каждый раз, когда она злится? Уймись, предатель подневольный!»

Тропа постепенно пошла вверх, болотная жижа сменилась сухой хвоей, и вскоре туман немного рассеялся. Впереди, среди раскидистых черных сосен, показался силуэт небольшого, обветшалого бревенчатого домика. Крыша его поросла густым мхом, а крыльцо слегка покосилось, но в целом постройка выглядела обитаемой.

— Вуаля, смертная, — Вертопрах картинно взмахнул рукой, указывая на избушку. — Твой пятизвездочный отель на эту ночь. Когда-то здесь обитал один волосатый бес-чернорабочий. Пахло от него, конечно, несвежей капустой, как и положено его сословию. Но я выкупил эту недвижимость за пару эксклюзивных навигационных артефактов, чтобы цивилизованно отдыхать, когда инспектирую свои болотные владения.

Люба подошла ближе, подозрительно осматривая заколоченные с одной стороны окна.

— Бесхозная недвижимость Нави? — хмыкнула она. — Ну ладно, Сусанин, веди. Только чур чёрт спит на коврике у двери.

На удивление, внутри домика оказалось невероятно тепло и даже уютно. Как только Вертопрах щелкнул пальцами, в небольшом очаге посреди комнаты весело затрещали дрова, зали-

вая бревенчатые стены мягким янтарным светом. Сырости не было вообще. В углу стояла крепкая дубовая лавка, застеленная чистой медвежьей шкурой, а на круглом столе Люба обнаружила глиняную крынку и плетеную корзинку.

— Ого, да тут даже шведский стол предусмотрен, — Люба подошла к столу, заглядывая в крынку. Внутри оказался густой, ароматный травяной сбитень, а в корзинке лежали пышные ржаные лепешки. — Слушай, Рогатый, а твой бес неплохо тут устроился перед выселением.

— Это мои личные припасы! — гордо вскинул подбородок Вертопрах, усаживаясь на край стола и скрестив руки на груди. — Я эстет. Я не могу ночевать в голоде и холоде. Ешь, так уж и быть. Мне нужно, чтобы моя смертная... то есть, моя спутница не протянула ноги раньше времени.

Люба с удовольствием отломала кусок лепешки, сделала глоток сладкого сбитня и блаженно зажмурилась. Физическая усталость после забега по болотам дала о себе знать. Она усе-лась на лавку, вытянула ноги в кедах и полезла в свой рюкзак.

— Так, после хорошего ужина положен десерт, — пробормотала она, выуживая из кармашка рюкзака блестящую зеленую пачку мятной жвачки.

Вертопрах с любопытством вытянул шею, пытаясь рассмотреть странный артефакт в её руках. Его хвост за спиной заинтересованно выпрямился, как антенна.

— Что это за колдовской свиток? — подозрительно спросил он. — Очередное оружие из твоего салона красоты?

— Это жвачка, Гроза Болот. Мятная, — Люба вытащила одну подушечку, закинула в рот, а вторую протянула черту. — На, держи. Освежает дыхание, бодрит мозг. У вас в Нави такого точно нет.

Вертопрах посмотрел на маленькую белую подушечку так, словно Люба протягивала ему сердце водяного дракона. Его чертовское эго взбунтовалось: как это он, великий стратег, покажет страх перед какой-то смертной безделушкой?

— Ха! Черти не боятся человеческой еды! — высокомерно заявил он, выхватил подушечку из её пальцев и решительно отправил в рот, начав яростно разжевывать с самым победоносным видом.

Первые три секунды все было прекрасно. Вертопрах даже успел победно ухмыльнуться. А затем наступила четвертая секунда.

Мощная, концентрированная волна ледяной перечной мяты мгновенно ударила черту в нос, обжигая рецепторы диким холодом. Вертопраху показалось, что он вдохнул жидкий азот вперемешку с проклятием ледяных великанов Ирия.

— О-о-о... — глаза черта округлились до размеров глиняных плошек. Он судорожно схватился руками за горло, его смуглая кожа мгновенно побледнела. — М-м-магия... Ледяное... ледяное проклятие!

— Эй, ты чего? — Люба подавилась лепешкой, глядя, как Первый кавалер Кошеева двора начинает панически циркулировать по комнате.

— Мой рот! Он превращается в лед! — в ужасе прохрипел Вертопрах, отчаянно пытаясь зажать себе рот руками, но ледяной воздух от дыхания делал только хуже. — Безумная смертная! Ты отравила Грозу Семи Болот! Мои внутренности... они кристаллизуются! Я превращаюсь в ледяную статую для замка Кощея!

Его непутевый хвост в этот момент окончательно отбил от рук. От дикого страха перед «мятным апокалипсисом» хвост сжался, задрожал и начал судорожно пытаться завязаться в тройной узел, крутясь во все стороны и с грохотом сшибая глиняную крынку со стола.

— Ишь какой непутевый! Уймись! — панически шипел Вертопрах на свой хвост, одновременно пытаясь дуть на собственные ладони, чтобы согреться. — Сними проклятие! Я отдам тебе карту! Я выведу тебя! Только прекрати этот ледяной ад!

Люба сидела на лавке, согнувшись пополам от гомерического хохота. Слезы текли по её щекам, а бидон в горошек весело гремел в такт её смеху.

— Мама... мама дорогая! — выдавила она сквозь слезы. — Великий стратег испугался мятного «Орбита»! Да ты просто жуй и дыши, идиот рогатый! Оно пройдет через пять минут!

Вертопрах остановился посреди комнаты, тяжело дыша «ледяным» воздухом и со страхом глядя на хохочущую парикмахершу. Его хвост, устав крутиться, наконец жалобно повис, а сам черт медленно осознал, что его царственная осанка и зубодробительная харизма в очередной раз потерпели поражение от обычной человеческой логики.

Вертопрах послушно последовал совету Любы: замер посреди комнаты, зажмурился и начал глубоко, панически жевать, надеясь, что с потоком теплого воздуха ледяное заклятие рассеется. Но стоило ему пошире разинуть рот, как новая порция навского сквозняка ворвалась внутрь, устроив в его горле настоящий филиал антарктической тундры.

— О-о-о, стало только хуже! — взвыл чёрт, смешно притопывая кожаными сапогами. — Воздух Яви отравлен арктическим ядом! Мой язык... он онемел! Я больше не смогу изрекать великие интриги!

Люба к этому моменту уже сползла с лавки на пол. Она держалась за живот, а её хохот разносился по домику беса так громко, что дрова в очаге испуганно трещали в ответ.

— Да господи, Гроза Болот! — выдавила она сквозь слезы, утирая тушь под глазами. — Раз это такой апокалипсис, можно же просто выплюнуть! Это жвачка, её не обязательно держать там до полного обморожения!

Вертопрах резко замер. Он зыркнул на Любу максимально осуждающим, оскорбленным взглядом, в котором читалась вся боль непризнанного гения стратегии. С самым царственным видом, на какой только был способен чёрт с мятным шоком, он демонстративно выплюнул несчастную подушечку на пол и смешно высунул длинный язык, пытаясь охладить его бархатным воздухом Нави.

Его хвост за спиной, устав крутиться в узлы, уныло шлепнулся на половицы рядом с выплюнутой жвачкой.

Кое-как вернув лицу благородное выражение, Вертопрах вальяжно уселся на край стола, скрестил руки на груди и, словно ничего не произошло, высокомерно произнес:

— Ладно. Будем считать это тактическим испытанием человеческих технологий. А как, кстати, тебя зовут, о ядовитая дева?

Люба, которая только-только начала успокаиваться и делать нормальные вдохи, от такого резкого перехода подавилась собственным смехом и громко закашлялась.

— Кхм... Чего? Ты серьезно? Мы с тобой уже полдня по болотам бегаем, ты успел проиграть войну мятной конфете, и только сейчас решил спросить имя?

— До этого момента ты была для меня просто абстрактным объектом контрак... то есть, пространственной метрики! — быстро выкрутился Вертопрах, а его хвост испуганно дернулся от того, что хозяин чуть не проболтался про Кошечку. — Итак? Я должен знать, как записать тебя в список тех, кто покушался на мое величие.

— Люба, — отсмеявшись, представилась она и протянула ему ладонь с безупречным нюдовым маникюром. — Любовь Николаевна. Ведущий мастер-универсал салона «Афродита». Будем знакомы еще раз, Рогатый.

Вертопрах осторожно, одними кончиками пальцев, пожал её руку, подозрительно косясь на ногти.

— Странное имя. Навские имена звучат гордо: Вертопрах, Кошечка, Горыныч... А у тебя просто Люба. Ладно, Люба. На первый раз я тебя прощаю.

Люба сладко зевнула уже по-настоящему, от усталости, поднялась с пола и выразительно посмотрела на дубовую лавку с медвежьей шкурой. — Отлично. Официальная часть завершена,

мастер-класс по выплевыванию жвачки окончен. Я собираюсь спать. И судя по габаритам этой шикарной лежанки, она рассчитана ровно на одного человека. То есть на меня.

Вертопрах, который уже мысленно примерялся, как он эффектно раскинется на медвежьей шкуре, демонстрируя рельефную грудь в черной косоворотке, мгновенно запротестовал.

— Эй, смертная! Попрошу соблюдать субординацию! Я, между прочим, хозяин этой бесхозной недвижимости! Я не собака, чтобы спать на полу, и вообще, это мой дом! Черти Кошчева двора обладают врожденным чувством комфорта, я физически не могу спать на твердых досках!

Люба даже не повела бровью. Она подошла к лавке, демонстративно взбила край медвежьей шкуры и обернулась к нему, смерив черта прагматичным взглядом, которому принесли сожженную блондинку.— Слышь, хозяин тайги, — спокойно сказала она. — Во-первых, я женщина. Во-вторых, спать на одной лавке с малознакомыми рогатыми франтами в мои планы на этот отпуск вообще не входило. Так что твое врожденное чувство комфорта сейчас идет на свидание с половицами. На пол, Вертопрах. Шагом марш.

Чёрт открыл было рот, чтобы выдать тираду о своем древнем демоническом происхождении, но Люба так решительно отвернулась и улеглась на лавку, свернувшись калачиком, что все его кружева интриг снова рассыпались.

В итоге великому стратегу Нави, Грозе Семи Болот, пришлось устилаться на полу. Вертопрах обиженно сопел, подложив под голову собственный кафтан, и демонстративно отвернулся к стене. Правда, его непутевый хвост с этим решением был в корне не согласен: ночью он втихаря вытянулся во всю длину и робко, едва ощутимо лег своей пушистой кисточкой прямо на кед спящей Любы.

Глава 5

Утро в Нави наступило без предупреждения. Здесь не было нежных розовых рассветов или ленивого солнца, выползающего из-за горизонта. Свет просто переключился с глубокого индиго на мутновато-серый, словно кто-то вымыл грязной тряпкой окно, выходящее во вселенную.

Люба открыла глаза, сладко потянувшись на медвежьей шкуре и мгновенно вспомнила, где находится. Взгляд её упал на пол. Великий стратег Нави и Гроза Семи Болот спал, свернувшись живописным калачиком. Черная косоворотка задралась, темные кудри растрепались, а рельефные рога уткнулись в деревянную ножку стола. Выглядел он в этот момент на удивление безобидно, если не брать в расчет длинный хвост, который за ночь успел не просто лечь на Любин кед, а натурально обмотаться вокруг её щиколотки тремя аккуратными кольцами.

— Эй, дизайнерский ремень, подъем! — весело скомандовала Люба, легонько пнув хвост носком свободной ноги.

Хвост испуганно отпрыгнул, завязался в панический узел и спрятался под спящего хозяина. Вертопрах мгновенно подорвался, дико озираясь по сторонам и хватаясь за рога:

— Магия! Мята! Где лед?!

— Расслабься, Рогатый, ледниковый период окончен, — хмыкнула Люба, поднимаясь с лавки и поправляя сарафан. — Собирай свои шелковые манатки, пора штурмовать твою метрику. Мой желудок прозрачно намекает, что вчерашняя лепешка бесследно растворилась.

Через полчаса они уже снова шагали по сумеречному лесу. Вертопрах, который успел каким-то чудом вернуть своим волосам идеальную укладку, шел впереди с максимально независимым видом. Он вальяжно подбрасывал в воздух спелое яблоко и всем своим видом демонстрировал, что ночевка на полу ни разу не пошатнула его зубодробительную харизму.

Люба шла следом, с интересом крутя головой по сторонам. Лес сегодня казался чуть менее пугающим, хотя пни все еще выглядели так, словно собирались попросить у нее сигарету.

— Слышь, Вертопрах, — подала голос Люба, обходя подозрительную лужу, от которой пахло сероводородом и дешевым одеколоном. — У меня к тебе сугубо профессиональный вопрос по матчасти.

Чёрт обернулся, лукаво прищулив темные глаза:

— Черти не консультируют смертных по вопросам стиля, Люба. Мои секреты ухода за рогами бесценны.

— Да сдались мне твои рога, я про твою личную жизнь, — отмахнулась она. — Я тут то и дело по кустам оглядываюсь, ищу твоих поделщиков. Почему ты один-то плутаешь? Разве вы не должны парой ходить? Ну, или бандой какой? По сказкам моей бабушки Марфы, черти — существа коллективные. Они всегда минимум вдвоем людей с пути сбивают. Один спереди зубы заговаривает, второй сзади подножку ставит. Классика жанра. А ты тут один кукуешь в черном кафтане. Тебя что, из чертовского профсоюза за профнепригодность выгнали?

Вертопрах резко замер на месте, отчего Люба едва не впечаталась бидоном в его широкую спину. Чёрт медленно повернулся. Его харизматичная ухмылка на секунду дрогнула, уступив место какому-то странному, непривычно серьезному выражению. Он робко, почти незаметно скользнул взглядом по её растрепанным каштановым волосам, синему сарафану и, наконец, посмотрел прямо в глаза.

— Мне и одному неплохо, смертная, — бархатным, но непривычно тихим голосом отозвался он. — Коллектив — это для бесов. Они любят сбиваться в кучи, потому что поодиночке их любая деревенская баба ухватом перешибет. А я — элита. Великие интриги кучей не плетутся. И вообще... — он сделал шаг вперед, поигрывая яблоком, а его хвост за спиной вдруг

замер и вытянулся струной. — Я не люблю делиться своим. Особо ценные трофеи и... спутников я предпочитаю контролировать лично. Без свидетелей.

Люба прищурилась, пытаясь разгадать этот внезапный приступ собственничества, но Вертопрах тут же вернул себе наглый вид, крутанулся на каблуках начищенных сапог и зашагал дальше. Правда, его непутевый хвост тут же сдал хозяина с потрохами: кисточка хвоста начала мелко и радостно вилять, выдавая то, как чёрт был доволен этим коротким моментом близости.

— Ой, смотри-ка, собственник нашелся, — проворчала Люба, догоняя его. — Трофей он контролирует. Смотри, как бы этот трофей тебе бидоном по рогам не наступал.

Ещё через десять минут ходьбы туман впереди окончательно рассеялся, и лес резко обогнулся. Они вышли на просторную, утопанную поляну, посреди которой высилось монументальное сооружение навского общепита.

Перед ними предстал придорожный трактир «*У гнилого болота*».

Здание выглядело так, словно его строил пьяный леший из остатков старых кораблей и заброшенных избышек. Бревна стен были черными от времени и сырости, крыша изорвана кусками дерна, а из кривой кирпичной трубы валил густой, ядовито-зеленый дым, который пах горелой шерстью и прокисшими щами. Над перекошенной дубовой дверью болталась вывеска, на которой криво, словно когтем, было выцарапано название. Вокруг заведения на привязи стояли транспортные средства местной элиты — огромные, свирепые навские кабаны с горящими красными глазами и массивными клыками. Кабаны уныло хрюкали и рыли копытами сухую землю, дожидаясь своих рогатых и волосатых хозяев.

— Ну вот, Любаша, — Вертопрах эффектно расправил плечи и поправил вырез черной косоворотки. — Цивилизация. Самый модный гастрономический бутик на этой стороне топи. Идем, я покажу тебе, как обедает настоящая знать Нави. Только сумку держи крепче, тут у местной публики пальцы длинные, а совесть отсутствует как класс.

Люба посмотрела на зелёный дым из трубы, потом на хмурого навского кабана, который посмотрел на неё как коллектор на должника, и вздохнула:

— Гастрономический бутик, говоришь? Ну-ну. Надеюсь, у них есть санитарная книжка и активированный уголь. Пошли, Сусанин, приобщаться к высокой кухне.

Они толкнули тяжелую дубовую дверь, и Люба рефлекторно зажала нос. Внутри трактира «У гнилого болота» пахло так, словно здесь одновременно квасили капусту, жарили старые носки и варили зелье из болотной тины. Помещение было погружено в густой полумрак, рассекаемый лишь тусклым свечением фиолетовых грибов, росших прямо из щелей в бревенчатых стенах. Потолок подпирали закопченные столбы, а вместо столов стояли огромные, грубо обтесанные пни.

Как только дверь с грохотом захлопнулась, в заведении наступила тишина. Десятки глаз — желтых, красных, светящихся и абсолютно недоброжелательных — разом уставились на вошедших. За пнями сидели самые колоритные обитатели Нави: лохматые бесы с кривыми ногами, угрюмые лешие в шапках из сухой травы и какие-то совсем неопределенные склизкие духи.

Люба почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. В своем ярком синем сарафане с красной лентой в волосах она ощущала себя неоновым вывесочным знаком посреди заброшенного кладбища. Ей стало жутко, неуютно и по-настоящему боязно. Она инстинктивно вжала голову в плечи и сильнее прижала к груди эмалированный бидон, готовая в любой момент применить его как оборонительное оружие.

Вертопрах, шедший впереди с гордо поднятой головой, мгновенно уловил перемену в её настроении. На его смуглом лице на секунду промелькнуло понимание. Он вальяжно замедлил шаг, сделал полшага вбок и прижался к ней почти вплотную. Его широкое плечо коснулось её руки, создавая осязаемый барьер между Любой и глазающей навской нечистью. От чёрта всё ещё пахло дорогим мускусным парфюмом, который в этот момент подействовал на девушку как нашатырь. Люба сделала глубокий вдох, ощутила его тепло и поняла, что её плечи сами собой немного расслабились. Рядом с этим самоуверенным рогатым франтом лесные твари уже не казались такими уж всемогущими.

— Спокойно, смертная, — едва слышно шепнул Вертопрах, дерзко ухмыляясь залу. — Смотри на них так, словно они пришли к тебе на коррекцию ногтей без предварительной записи. Они это чувствуют.

Чёрт пошел вглубь зала, ведя Любу за собой к самому дальнему пню. По пути он царственным жестом руки поприветствовал публику:

— Здорово, работяги! Гроза Семи Болот приветствует это почтенное болото!

Реакция зала оказалась предсказуемой. Какой-то волосатый бес за ближним столом хмуро кивнул, признавая авторитет Первого кавалера. Леший в углу недовольно фыркнул в густую бороду и отвернулся. А огромный прыщавый чертяка у барной стойки шумно и смачно сплюнул прямо на грязный пол, демонстрируя полное презрение к щегольскому виду Вертопраха.

Люба лишь поджала плечами, чувствуя, как внутри снова шевельнулась тревога, и подумала, что вся эта волна негатива вызвана исключительно её человеческим присутствием. *«Точно из-за меня, — уныло размышляла она, усаживаясь на колченогий табурет. — Притащил смертную в местный закрытый клуб, теперь его же кенты и презирают».*

Вертопрах с грохотом опустил ладонь на стол и крикнул в сторону кухонного проема:

— Эй, хозяин! Неси лучшего сбитня и двойную порцию хрустящих жужелиц! И лепешек пожирнее! Гроза Болот желает откусить на двоих!

Из темноты кухни показался сам трактирщик — приземистый, покрытый зеленой чешуей антропоморфный сом в грязном переднике. Он подошел к их столу, оперся лапищами о пень и хмуро уставился на Вертопраха своими круглыми рыбьими глазами.

— Жужелиц ему, ишь ты, — просипел хозяин заведения, пуская изо рта мелкие пузыри. — Слышь, стратег Кошечев двора. Ты за прошлый-то обед еще не расплатился. Три серебряные монеты за тобой висят с позапрошлой луны. Канцелярия твоя налоги списывает, а жрешь ты в долг. Так что сначала должок верни, а потом девку свою корми.

В трактире снова повисла тишина, но на этот раз Люба просто не сдерживается. Вся её минутная робость мгновенно испарилась, уступив место чистому человеческому злорадству. Она прыснула в кулак, а затем громко и заливисто рассмеялась, откинувшись на спинку стула.

— Ой, я не могу! Великий кавалер! Гроза Болот! Дипломированный специалист по хаосу! — хохотала Люба, указывая пальцем на побелевшего от возмущения черта. — Да ты просто навский альфонс на минималках! В долг он обедает! В кредит харизму качает!

Вертопрах буквально замер на месте. Его рельефные черные рога, казалось, даже потемнели от прилившей к голове крови. Он повернулся к Любе и стал буквально сверлить её взглядом, полным глубокой, детской обиды.

— Сейчас не буду защищать, — буркнул он сквозь зубы, оскорбленно раздувая ноздри. — Оставлю тебя тут одну с сомом, будешь сама за жужелиц расплачиваться.

Люба от такого грозного, но дико комичного заявления резко подавилась собственным смехом. Она зашлась в кашле, утирая слезы, но продолжая хихикать под суровым чертовским взором.

Вертопрах глубоко вздохнул, возвращая лицу выражение гения ментальных интриг, и повернулся к трактирщику.

— Послушай, уважаемый, — бархатным, вкрадчивым голосом начал чёрт, а его хвост за спиной в этот момент начал совершать сложные, гипнотические пассы. — Какие монеты? Разве ты забыл, что на следующей неделе Кощей подписывает указ о налоговых льготах для прибрежных заведений? И кто, по-твоему, продвигает твоё скромное гнездышко в обход министерства топей? Один мой рог стоит дороже всего твоего заведения. Запиши на счёт канцелярии. Или ты хочешь, чтобы завтра к тебе пришла инспекция леших проверять лицензию на сбор фиолетовых грибов?

Хозяин-сом подозрительно прищурился, перевел взгляд с гипнотизирующего хвоста на уверенную ухмылку Вертопраха, шумно вздохнул и проворчал:

— Ладно, рогатый. Твоя взяла. Но это в последний раз.

Сом уплыл на кухню, и через минуту на стол с грохотом опустилась деревянная тарелка с ароматными горячими лепешками и кувшин с травяным напитком. Вертопрах победно посмотрел на Любу, а его хвост под столом радостно закрутился, случайно задев её колено пушистой кисточкой.

Люба с сомнением посмотрела на дымящуюся деревянную тарелку, которую сом опустил перед ними. Ржаные лепешки выглядели более-менее прилично, если не считать того, что они слегка шевелились по краям от жара. Травяной сбитень в кувшине имел подозрительный болотный оттенок, но Любин голодный желудок в этот момент устроил такую яростную революцию, что выбирать не приходилось.

Она аккуратно отломала кусочек лепешки, зажмурилась и отправила в рот. Текстура напоминала плотный картон, густо смазанный старым салом с привкусом сушеной полыни. Кое-как прожевав это кулинарное чудо, Люба сделала большой глоток сбитня. На удивление, напиток оказался сладким, хотя и отдавал тиной так сильно, что у неё на секунду перехватило дыхание.

Вертопрах, который к этому моменту уже всю уничтожил свою порцию, вальяжно откинулся на колченогом табурете. Он изящно подцепил пальцами хрустящую жужелицу, отправил её в рот и с самым победоносным видом посмотрел на Любу. Массивные черные рога чёрта в тусклом свечении фиолетовых грибов отливали глянцем, а расстегнутый ворот косоворотки придавал ему вид сытого и довольного жизнью хищника.

— Ну и как тебе наша высокая навская кухня, смертная? — бархатным голосом поинтересовался он, лукаво прищурив темные глаза. — Чувствуешь этот тонкий, изысканный букет ароматов? Это тебе не синтетические суррогаты из твоего мегаполиса. Настоящий, экологически чистый продукт пограничных топей.

Люба изо всех сил постаралась сохранить на лице выражение вежливого блаженства, хотя внутри её прагматичный парикмахерский ум кричал о немедленной эвакуации. Желудок требовал калорий, поэтому портить отношения с единственным поставщиком еды в этом мире было нельзя.

— Знаешь, Рогатый... — Люба слотнула и натянуто улыбнулась, стараясь не смотреть на тарелку. — Вполне хорошо. Прямо очень... специфически. Напоминает безглютеновые хлебцы из магазина здорового питания, только с легким налетом средневекового апокалипсиса. Очень сытно, честное слово.

Вертопрах услышав это лишь хмыкнул. Он сложил руки на груди, а его непутевый хвост под столом совершил короткое, разоблачающее движение — кисточка прошла по её щиколотке, словно проверяя, насколько Люба искренна. Чёрт отлично понял, что явская дева отчаянно врет, но решил не разрушать её хрупкую защиту.

Люба, чтобы перевести стрелки со своего кулинарного позора, оперлась локтями о край пня и внимательно посмотрела на собеседника.

— Ладно, Гроза Болот, пока мы тут уничтожаем запасы сома, колись. Как ты вообще докатился до такой жизни? Ну, в смысле, каково это — быть чертом? У тебя семья есть?

Родители там, рогатые родственники? Или вы тут все из тумана почкованием размножаетесь? Расскажи про свою жизнь, а то ходишь тут, интриги плетешь, а сам, небось, обычный навский одиночка без прописки.

Вертопрах от такого напора слегка сбавил спесь. Его харизматичная ухмылка на секунду исчезла, а взгляд скользнул куда-то в темный угол трактира. Было заметно, что делится подробностями о себе он крайне неохотно. Черти не привыкли открывать душу, особенно смертным, у которых логика работает как топор.

— Чертовская жизнь — это коммерческая тайна, Люба, — буркнул он, лениво ковыряя пальцем столешницу. — Скажем так... у меня есть определенные обязательства перед Цитаделью. Родня? Ну, есть у меня пара кузенов в дальних деревнях. Лохматые, бестолковые создания, только и умеют, что у крестьян молоко воровать да хвосты коровам крутить. Скукотища. Я с ними особо не общаюсь. Я элита, мне положено вращаться в высших кругах. А канцелярия Кощея... ну, это долгая история. Давай считать, что я просто свободный художник, который временно выполняет один очень важный стратегический заказ.

Люба прищурилась, заметив, как при упоминании заказа его хвост испуганно замер под столом и попытался спрятаться за ножку её стула. Чёрт явно что-то недоговаривал, но допрашивать его посреди трактира, где прыщавый бес у барной стойки все еще косо поглядывал в их сторону, было плохой идеей.

Быстро дожевав остатки лепешки и запив их остатками сладкого сбитня, Люба решительно поднялась с табурета. Бидон в горошек занял свое законное место в её руке. Она поправила алую ленту в волосах и выразительно посмотрела на Вертопраха, который как раз заканчивал полировать свое спелое яблоко о черную ткань косоворотки.

— Всё, бизнес-ланч окончен, — твердо сказала Люба, направляясь к выходу.

Они вышли из душного, пахнущего щами трактира на свежий воздух. У серого пограничного леса Люба резко развернулась к чёрту лицом и уперла руки в бока. Сарафан грозно шуршал по сухой траве.

— Так, Вертопрах, слушай меня сюда, — Люба стала активно подгонять его, легонько подталкивая кулаком в широкое плечо. — Двигай своей пространственной метрикой быстрее. Ты должен помочь мне уже выбраться отсюда как можно скорее! Seriously, веди меня к своему portalу или камню. Потому что следующей местной кухни мой нежный человеческий организм просто физически не выдержит! Если я еще раз поем лепешек от твоего сома, я сама превращусь в болотное чудище и покусаю твоего Кощея за налоги. Пошли быстрее, Сусанин!

Вертопрах от её тычков в плечо смешно пошатнулся, театрально схватился за рог и пафосно возмутился:— Эй, полегче со стратегическим артефактом! Женщины Яви совершенно не умеют проявлять терпение! Ладно, ладно, идем. Но учти, Люба, дороги Нави не любят, когда по ним бегают как на распродаже в ТЦ!

Чёрт вальяжно зашагал вперед, ведя её обратно вглубь фиолетового тумана, а его непутевый хвост за спиной радостно выписывал круги, абсолютно довольный тем, что смертная дева все еще идет за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.